

Читайте детективы НАТАЛИИ АНТОНОВОЙ
в серии «Уютный детектив»:

ПРИУСАДЕБНОЕ УБИЙСТВО

СРЕЗАННЫЕ ЦВЕТЫ

ВЛЮБЛЕННЫЙ УБИЙЦА

ЗОЛОТАЯ УДАВКА

НЕ ДЕВИЧЬЯ ПАМЯТЬ

СЛИШКОМ ВЕРНАЯ ЖЕНА

ТУФЕЛЬКА ДЛЯ ПРИЗРАКА

ПРОЩАНИЕ С ПЛЕЙБОЕМ

РАСПЛАТА ПО ЧУЖИМ СЧЕТАМ

СМЕРТЬ В НАЧАЛЕ ВЕСНЫ

УБИЙСТВО ПО ЛЮБВИ

МЕЛОДИЯ ДЛЯ САКСОФОНА

ФУРИЯ XXI ВЕКА

ЗИМНЯЯ МЕСТЬ

Наталья Антонова

Зимняя
МЕСТЬ

Москва
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Е. Елькиной*

Антонова, Наталия Николаевна.

А72

Зимняя месть : [роман] / Наталия Антонова. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с. — (Уютный детектив).

ISBN 978-5-04-109173-6

Провести новогоднюю ночь на даче, у горящего камина — что может быть лучше?! Так думала Виола, когда отправлялась в свой загородный дом вместе с женихом...

Зимняя сказка закончилась печально: в доме нашли труп девушки. Ею оказалась красавица Виола. У таких, как она, часто бывают враги, особенно среди конкуренток женского пола. Вот подозрение и падает на ее бывшую подругу, Марию, с которой они не поделили жениха. Но в вину несчастной Маши не верят ни ее друзья, ни проницательная сыщица Мирослава Волгина, которая берется найти настоящего убийцу.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Антонова Н. Н., 2021

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-109173-6

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Глава 1

За окном рождественская картинка — всё засыпало снегом. Деревья все в инее, точно коралловый лес. По небу плывут густые толстенные облака, а в ослепительно-голубых просветах сияет ярко-золотое солнце. И падают огромные хлопья снега, похожие на лепестки белых роз, точно их задумчиво роняет с небес белый-белый ангел.

И так тихо... Даже приглушённый гул автомобилей похож скорее на полусонное бормотание шмелей.

После того как Морис уехал на католическое Рождество домой, Мирослава осталась домовничать вдвоём с котом Доном.

И коттедж, особенно по ночам, стал казаться ей огромным, как замок в какой-нибудь шотландской глубинке. Она гнала прочь непрошенные грустные мысли.

А тут ещё позвонил Морис и попросил разрешения задержаться ещё ненадолго дома. Мирослава сказала ему тогда:

— Да, конечно, тем более работы сейчас нет.

— Вы скучаете без меня? — спросил он, и ей показалось, что в его голосе проскользнула надежда на утвердительный ответ и, может быть, лёгкая грусть.

Но она ответила:

— Нет, — вложив в голос гораздо больше веселости, чем следовало бы.

— Ну, тогда ладно, — пробормотал он и отключился.

Мирослава посмотрела на кота.

— Что, мой королевич, Новый год мы с тобой будем встречать вдвоём.

Дон не возражал. Для него главное, чтобы хозяйке было хорошо. Вот только ему показалось, что глаза у неё невесёлые... Он потеснее прижался к ней всем телом и тихо замурлыкал, стараясь передать ей тепло не только своего покрытого мягкой длинной шерсткой тела, но и маленького, крепко любящего сердца.

29 декабря поздно вечером, почти ночью, нагрянул Шура. Сказать, что Мирослава удивилась, было бы не сказать ничего.

— Представляешь, — начал он прямо с порога, — у меня выходные аж до третьего января!

— Да ты что?! — не поверила она.

— Я и сам с трудом верю! Сколько себя помню, такого чуда ни разу не случалось. Но ведь я два года в отпуске вообще не был, — добавил он.

— Бедный мой Шура. — Она обняла его. И снег на его куртке начал таять, а заодно промокла и её наброшенная на плечи кофта.

— Иди в дом! — сказал он. — А то простудишься. Морис приедет и прибьёт меня.

— Ты его так боишься? — засомневалась Мирослава.

— Опасаюсь, — улыбнулся Шура.

— Морис приедет ещё не скоро, — проговорила она быстро, тщетно скрывая грусть.

— Как так?

Она пожала плечами.

«Теперь уж я его прибью, как только он приедет», — сердито подумал Шура.

Мирослава поднялась на крыльцо и стала с удивлением наблюдать, как Наполеонов достаёт из багажника многочисленные пакеты, как видно, тяжёлые. Всё это он начал таскать в дом.

— Шура! Что это? — изумлённо спросила она.

— Продукты, — проворчал Наполеонов сердито, — у тебя-то, наверное, холодильник пустой.

— Ну, не совсем.

— Ага. Отварная курица для кота, ряженка и яблоки для тебя. А для меня кукиш, даже без масла.

Она рассмеялась. А потом сказала:

— Шура, если ты думаешь, что я стану что-то готовить из той прорвы продуктов, что ты привёз, — она махнула рукой на пакеты, — то ты ошибаешься.

— Ничего я не ошибаюсь. Знаю, что от тебя не дождёшься! — проворчал он.

— Тогда кого ты собираешься поставить возле плиты?

— Коня в пальто!

— О! Ты ещё и коня притащил, — усмехнулась она.

Шура снова пошёл к машине и полез в салон. Оттуда он вытащил большую корзину и потащил её в дом.

— А что там? — спросила Мирослава. Но Наполеонов не удостоил её ответом.

— Шур, а ты надолго ко мне? — осторожно спросила она.

— Сказано же тебе, что на работу мне 3 января. Вот и считай.

— А как же Софья Марковна?! Ты что, её одну собрался на Новый год оставить?

— Как же, оставишь её! Это она единственного ребёнка, — Шура сокрушённо покачал головой, — одного кинула.

— В смысле кинула? — ничего не поняла Мирослава.

— В смысле, что твоя любимая Софья Марковна, мать моя разлюбезная, укатила встречать Новый год в Питер. — Наполеонов сделал вид, что собирается заплакать.

— Шурочка, не расстраивайся. — Мирослава снова крепко прижала друга к себе. Но, тотчас заподозрив что-то неладное, отстранила его. Так и есть, Наполеонов хихикал, и в глазах его не было и тени печали.

— Бессовестный ты поросёнок, — воскликнула Мирослава, — пользуешься моим добрым сердцем.

— Я не поросёнок! Кстати, год Кабана-то уходит.

— Кажется, в феврале.

Она вздохнула и стала помогать Наполеонову перетаскивать пакеты с крыльца в кухню. После того как всё купленное им было разложено по местам,

Шура открыл холодильник и чуть ли не влез в него целиком.

— Что ты там делаешь? — спросила Волгина.

— Ищу, чего бы поесть.

— Ты же сам сказал, что ничего приготовленного у меня нет. Так что ешь то, что сам привёз.

Шура вздохнул, отрезал себе кусок буженины, нарезал сыр, хлеб, достал банку солёных огурцов. Поставил на плиту чайник и выудил из корзиночки пакет с курабье. Зачем-то нарезал батон, сложил его в миску и залил кипячёной водой из кувшина.

Мирослава подумала, что он собрался кормить птиц, и сказала:

— Хлеб на морозе замёрзнет.

Наполеонов ничего не ответил, оставив миску на кухонный стол.

— Ешь, давай, — сказал он Мирославе, налив чай в две чашки.

— Не хочу.

— Тоже мне, принцесса выискалась, — пробормотал он себе под нос.

— Я не принцесса, — улыбнулась Мирослава, — сам знаешь.

— Знаю, конечно! Амазонка и тигра!

— Одна в двух лицах?

— Да у тебя этих лиц до фи́га! Ешь давай, не капризничай.

— Шур, я и не капризничаю. — Она взяла кусочек сыра и стала сосредоточенно его грызть.

— Ага. Теперь решила мышью поработать, — хмыкнул он.

Дону надоело, что Наполеонов ворчит на его хозяйку, и он, запрыгнув ей на колени, уткнулся в сыр в её руках. Она сразу отломилла ему маленький кусочек, и кот стал есть с её ладони.

— Вот! — сказал Наполеонов. — Все порядочные девушки под Новый год мечтают о принце, а эта с котом тетёшкается.

Мирослава весело расхохоталась.

— Ты чего? — озадаченно спросил Наполеонов.

— Анекдот вспомнила!

— Какой?

— «Девушки всю жизнь ждут принца на белом коне, а приезжает король — голый, пьяный и на автобусе».

Наполеонов состроил страшную рожицу и собрался сделать подруге выговор о неуместности подобных анекдотов в предновогоднее время, но не удержался и расхохотался вместе с ней.

Чуть позже, чтобы реабилитироваться хотя бы в собственных глазах, сказал:

— Ну и жди своего Балду!

— Подожду. А пока ты мне его заменишь.

Шура погрозил ей пальцем. Сложил в раковину грязную посуду и велел:

— Мой.

— А ты что собираешься делать?

— Знамо дело, — всплеснул он руками, как бойкая кухарка в фильмах про старинную жизнь, — готовить!

Мирослава хмыкнула и принялась за мытьё посуды. А Шура подвязал фартук Мориса, который

был ему непомерно велик, из-за чего Наполеонову пришлось сложить его чуть ли не вдвое.

— Извини, только фарш купил готовый в фермерском магазине. — Наполеонов бухнул фарш в эмалированную кастрюлю.

— Пойдёт! — улыбнулась Мирослава.

Наполеонов добавил в фарш замоченный хлеб, яйца, повернулся к Волгиной:

— Вымыла посуду?

— Так точно, товарищ капитан! — вытянулась она в струнку.

— Тогда забирай своего лохматого — и брысь оба с кухни!

Расхохотавшись, Мирослава с удовольствием выполнила его приказание. Поужинали они втроём приготовленными Шурой котлетами. К удивлению Мирославы, они оказались очень вкусными.

— Спасибо, Шура, — сказала она после ужина, — я не знала, что ты научился так вкусно готовить.

— Так с кем поведёшься... — отозвался он.

— Надеюсь, ты имеешь в виду не меня.

— Это точно, — саркастически отозвался друг детства, — и даже не твоего лохматого. — Он кивнул на Дона.

— Но-но! — шутливо погрозила она ему пальцем, — святого не касайся.

— А посуду мыть тебе, — в отместку хмыкнул Наполеонов, — а то твоё святое, — он снова ткнул в котла, — только языком может всё отмывать.

Мирослава перемыла посуду, подхватила на руки кота, терпеливо дожидавшегося её на кухонном подоконнике, и поднялась к себе. Наполеонов, ко-

торый всё это время пил чай и молча наблюдал за её работой, остался на кухне. За окном уже было совсем темно. Ни луны, ни звёзд. Только мигающий в начавшемся снегопаде свет замёрзших фонарей.

«Если природа не умерит свой энтузиазм, — подумала Мирослава, — то завтра нам с Шурой придётся расчищать дорожки в четыре руки. — Она включила ночник. — Что там вчера Наполеонов говорил о новогодних чудесах? — попыталась она припомнить и подумала: — Если и мечтать о ком-то, то явно не о принце. А о ком? Да вот хотя бы о таком персонаже, как «Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Исполняет всё, что ни попросишь, вопросов не задаёт, не критикует, не ворчит. Идеальный спутник жизни! Одно плохо, что не видно его». Мирослава улыбнулась, взяла со стола книгу и улеглась в постель. Дон пристроился рядом. Прошло минут тридцать, в дверь постучали.

Не дожидаясь ответа, в комнату ввалился Шура. На нём была пижама цвета жёлтого цыплячьего пуха с белыми, прыгающими на этом фоне зайчиками. Мирослава невольно улыбнулась.

— Чему радуемся? — спросил Шура.

— Твоей пижаме.

— Правда красивая? Мне самому нравится, — обрадовался Шура.

— Миленькая, только тебе больше пошло бы с волчатами.

— Ну вот ещё! Я белый и пушистый, как эти зайчики. Подвиньтесь! — это восклицание относилось и к Мирославе, и к Дону.

Мирослава отодвинулась, а Дон просто перепрыгнул через неё и лёг с другой стороны. Шура улёгся рядом с Мирославой и попытался вытащить из-под её головы подушку.

— Фиг тебе! — сказала она. — Возьми на кресле.

Шура взял с кресла подушку, улёгся рядом с ней и выдернул из её рук книгу.

— Ага, опять поэзия древнекитайских поэтов. Что там у нас на этот раз? Так, поэзия эпохи Тан, VII—X века.

— Шура! — Мирослава попыталась отнять у него книгу, но он быстро увернулся.

— Ишь какая! Не хочет, чтобы родной друг тоже обогатился!

Наполеонов быстро пролистал страницы и остановился на одной из них.

— Вот. Ван Луню. «Печаль». — Шура принялся читать вслух:

За яшмовую штору
Одна
Красавица
Томится у окна.
Я вижу влажный блеск
В очах печальных —
Кто ведает,
О ком грустит она.

Наполеонов с притворной пытливостью посмотрел на подругу.

— Шура! Я придушу тебя. — Она резко потянулась к книге, но он снова увернулся.

— Ладно, не нравится про печаль, поищем про другое. — Он снова полистал страницы и, остановившись на одной из них, воскликнул: — Вот! Нашёл! Слушай, как раз в тему! Цзяожань. «Сосна»:

Потому что я шёпот сосны полюбил,
Я наслушаться им не могу.

Я всегда, как увижу сосну на пути,
Забываю вернуться домой.

С этой радостью лёгкой от шума сосны
Что на свете сравнится ещё?

Я смеюсь, к вольным тучам лицо обратив,
Беззаботным и вольным, как я.

Наконец Мирославе удалось вырвать из рук Наполеонова книгу и захлопнуть её, чуть не прищепив ему нос.

— И чего тебя на них тянет? — спросил он.

— Смысл жизни ищу.

— Нашла?

— Нет пока. В поисках.

— Ага. Диоген вон в бочке сидел сколько времени, да так и ничего не надумал.

— Ну почему же, — рассмеялась Мирослава, — много чего надумал.

— Ага. Типа не заслоняй мне солнце.

— Так прав же оказался в итоге.

— Это как сказать, — с сомнением произнёс Шура, — вот не отправился бы Македонский завоёвывать мир, и Клеопатры бы не было.

— В смысле?

— В том смысле, что династия Птолемеев не обосновалась бы в Египте!

— Велика потеря! — улыбнулась Мирослава.

— Не скажи! Я в детстве фанател по Лиз Тейлор!

— Так она же просто играла её!

— А если бы Клеопатры не было, то и играть ей некого было бы.

— Логично, — согласилась Мирослава.

Шура взял книжку из рук задумавшейся подруги и положил её себе на грудь, закрыв глаза.

— Эй, — Мирослава толкнула его в бок локтем, — ты что, здесь спать собрался?

— Не спать, а дремать, — поправил он важным голосом.

— Иди к себе!

— Погоди! Помнишь, как в детстве, мы летом вчетвером, ты, я, Витька и Люська, лежали на песке, на берегу Волги?

— Помню...

— Над нами солнышко, под нами золотистый песок, и волны облизывают пятки.

— Шур, ты к чему это?

— Ностальгирую я. Неужели непонятно? — засопел он.

— А.

— А ещё помнишь, сколько раньше народу было на волжских пляжах не только в выходные, но и в будни?

Мирослава невольно вспомнила своё детство. Тогда на пляжах и в самом деле яблоку негде было упасть. И они с бабушкой и двумя тётями тоже ехали на пляж и занимали там место, расстелив махро-